

Послания в бутылках от Хемингуэя

Имя Эрнеста Хемингуэя принадлежит к числу выдающихся американских писателей. Его так называемый маскулинный, жесткий стиль, выразительный литературный минимализм, наряду с многословием, служат основанием заслуженности такого положения в литературном пантеоне. Не только его работа, но и его неординарная личность подарили ему статус легенды, из-за которого часто игнорируется место, которое занимает вино в его творчестве.

Среди отличительных особенностей его характера фигурирует его отношение к алкоголю, которое нельзя объяснить исключительно поведением, свойственным кругу молодых людей, объединенных термином «Потерянное поколение». Это понятие принадлежит авторству Гертруды Стайн, которая таким образом обозначила группу писателей, художников и представителей других творческих профессий, осевших в Париже, в частности, чтобы избежать запретительного контекста, царившего в Соединенных Штатах. Из этого потрясенного войной поколения родилось литературное движение, подчеркивающее живительные свойства вина в целом и Парижа, как столицы удовольствий, в частности.

Образ писателя, работающего за столиком в парижском бистро, безусловно, с избытком представлен в произведениях всех жанров об этом клане талантливых прожигателей жизни, многие из которых обязаны опьянению как источнику восполнения творческой энергии. Если на протяжении всей истории приступы меланхолии становились предметом множества произведений благодаря их связи с художественным темпераментом, то Хемингуэй особенно хорошо воплощает эту болезнь, называемую сегодня биполярным расстройством¹, которую со времен Аристотеля приравнивают к опьянению и творческой искре². Помимо этого разнородного сочетания, Хемингуэй также представляет вино при помощи уникального писательского мастерства, ритмичного, как прилив опьянения.

¹ Среди обширной библиографии, посвященной этой теме, см. Kay Redfield Jamison, *Touched with Fire, Manic-Depressive Illness and the Artistic Temperament* [Прикосновение к огню: маниакально-депрессивный синдром и артистический темперамент], Free Press Paperbacks, опубликовано Simon & Schuster, Нью-Йорк, 1994, гл. 6.

² Jackie Pigeaud, *L'homme de génie et la mélancolie* [Гений и меланхолия], Rivages poche, Petite Bibliothèque, Париж, 1988.

Семантическое значение бутылки

Через текст, в котором нет случайных элементов, Хемингуэй предлагает нам калейдоскопический взгляд на алкоголь. Эрнест Хемингуэй сделал алкоголь не просто мотивом произведений, а настоящим персонажем и широким арсеналом символов: дружба, мужественность, уязвимость, бегство или даже саморазрушение, но также средство чувственного удовольствия и приглашение к стилистическому, лексическому и семантическому путешествию.

Хемингуэй адаптирует литературную фразировку к динамизму сцен, играет со временем, в частности, переводя изменения восприятия своих главных героев в соответствии с их состоянием опьянения. Таким образом, повествование в прошлом постоянно чередуется с настоящим. Распространенная в литературе того времени³ практика таких колебаний особенно действенна в работах Хемингуэя для создания ощущения нестабильности. Благодаря последовательной переменчивости повествования этот подход позволяет выразить новое состояние сознания.⁴ Это может принимать форму отстранения, позволяющего принять свое состояние между светом и тьмой или даже понять некоторые монументальные литературные произведения – в особенности произведения Тургенева.⁵ Однако чаще всего для Хемингуэя речь идет о выражении блуждающих мыслей поколения, пойманного в тиски антагонистических идеологий, которые он изображает как отражение внутренних терзаний человека.⁶ Таким образом, литературное путешествие наполняется смыслом, и эта художественная прерывистость, передающая извилистость жизни, является одним из топосов модернистской литературы. Хемингуэй выразил это через краткость и умалчивание, способ передачи, родственной поворотам, вызванным опьянением персонажей при всей соответствующей сложности. В этом семантическом путешествии скорее не вино, а его затуманенные странствия представляют собой нечто вроде искаженного отражения, как это иногда происходит с мыслями и памятью.

³ То, что Кроули называет пьяным повествованием. W. Crowley, *The White Logic, Alcoholism and Gender in American Modernist Fiction* [Белая логика, алкоголизм и гендер в американской модернистской художественной литературе], 1994, предисловие, стр. x.

⁴ Роман «И восходит солнце», опубликованный в 1926 году под названием «Фиеста»: «И восходит солнце», гл. 14.

⁵ «И восходит солнце», гл. 14.

⁶ «Прощай, оружие!», гл. 12

Карта вин и спиртных напитков как лингвистический код

В рассказе «Белые слоны»⁷ фраза «мужчина выпил свое пиво» означает «он сказал» – повторяющееся действие, в котором идея употребления алкоголя (но не в большом количестве!) передает смысл утвердительного кивка. В рассказе «Недолгое счастье Фрэнсиса Макомбера» фраза «Да ничего, по-прежнему пью их виски» служит сигналом для охотников, что сафари не увенчалось успехом. В противном случае победитель произносит: «Вечером спрыснем льва шампанским».

Более сложными являются переносы значения, используемые в семантической области соблазна: так Бретт, главная героиня первого опубликованного романа Хемингуэя «И восходит солнце», описывает ухаживания мужчины упоминанием бесплатного напитка («Он угостил меня стаканом вина»⁸). Красноречивое приглашение, которое может выражать удовлетворение или раздражение, в зависимости от статуса совершающего такой шаг.

Вино как спутник общительности

Практически во всех своих работах Хемингуэй изображает алкоголь как постоянно меняющегося персонажа, для которого вино становится его гранями. Эта вездесущность особенно бросается в глаза в художественном произведении с автобиографическим подтекстом «Париж – это праздник»⁹.

Однако, в отличие от дистиллированного алкоголя или даже пива, которые приводят к пьяному бреду, вино появляется в многочисленных возвышенных праздничных ситуациях – что приближает нас к великому замыслу Джефферсона: бороться с разгулом алкоголизма путем энофилии.¹⁰

Вино несет в себе сложную символику «единения» в самых простых сценах: рыбалка («И восходит солнце», главы 12 и 13), эпизоды примирения («Прощай, оружие!», глава 7), которые могут также возникать вокруг крепких спиртных напитков, таких как ром.¹¹

Шампанское встречается в описании многих дружеских празднеств, что неудивительно. Упоминание марки добавляет торжественности: шампанское Mumm в «И восходит солнце» или Perrier-Jouët в романе «Райский сад»

⁷ Этот рассказ, опубликованный в 1927 году как «Белые слоны», иногда публикуется на французском языке под названием «Потерянный рай».

⁸ «И восходит солнце», книга 2, гл. 8.

⁹ Посмертный роман, опубликованный под названием «Праздник, который всегда с тобой», 1964 год.

¹⁰ См. «Энокультурная заметка», номер 1: <https://www.oiv.int/fr/vie-de-loiv/thomas-jefferson-heraut-du-vinnbsp>

¹¹ «Прощай, оружие!», гл. 7; 9.

(«вино, которое может сделать вас таким счастливым»)¹²; это действует как катализатор общего прославления юности в постоянно меняющемся мире.

Хемингуэй индивидуализирует вино до такой степени, что исчерпывающее перечисление было бы утомительным. С другой стороны, тщательный анализ показывает, что каждое вино отвечает конкретной функции. В своем благоговении перед шатонеф-дю-пап или сент-эмильон Хемингуэй проявляет себя как знаток, способный также оценить шато-марго до такой степени, что видит в нем признак возвращения к цивилизации после пьянства.¹³ Он воскрешает в памяти воспоминания, связанные с винами, даже когда они настолько сильны, что пьющие вынуждены разбавлять их водой.¹⁴

В то же время белые вина способны передать легкость и энтузиазм яркой молодости: шабли, сансер, пуйи-фюиссе, монтаньи или макон сопровождают своего рода дух соревнования в жизни квартала Монпарнас в межвоенный период.

В коллективном воображении менее явно отождествляется умение Хемингуэя превращать вино в зеркало чувств. Например, он выбирает вино из Бона (тип вина и клима остаются на усмотрение читателя), чтобы проиллюстрировать момент безмятежной близости со своей женой Хэдли. Особенно красноречивый эпизод показывает, как они радуются идее «пить Бон» перед чтением, а затем «отправиться в постель и заниматься любовью»¹⁵. Эта гармоничная близость является частью игривой грани общительности, ассоциирующейся с вином¹⁶, в противовес которой возникают завуалированные ситуации современной вакханалии.

Вдохновляющие ликеры

Вписываясь в эстетику психического расстройства¹⁷ через указанное изобилие значений, алкоголь становится лексико-смысловым полем. Эта уловка иногда предстает как мираж, напоминающий живописный мотив жанра ванитас и литературный прием эллипса. При хроническом пьянстве

¹² Там же, «Мне всегда нравилось это вино. Мы пили его, когда были счастливы». «Райский сад», Charles Scribner's Sons, Нью-Йорк, 1986, гл. 19, с. 162.

¹³ «И восходит солнце», гл. 19.

¹⁴ Периодические упоминания об испанских и итальянских винах (из региона Риоха Альта, Вальдепеньяс, вино марсала, пьомбо, кьянти), а также о некоторых швейцарских (из регионов Эгль или Сьон) и алжирских винах.

¹⁵ «Праздник, который всегда с тобой», рассказ «Мисс Стайн наставляет».

¹⁶ «Праздник, который всегда с тобой», рассказ «С Паскеном под куполом».

¹⁷ Модернистский топос и эстетика психического расстройства были изложены Фицджеральдом в сборнике «Крушение», опубликованном в 1936 году, и взяты на вооружение всем этим поколением.

порочный круг длится без конца и ощущение пустоты, присущее человеческому роду, сводится к экзистенциальному небытию.

За пределами теней, призывающих к пресловутой умеренности, которой нам следует придерживаться за столом, главный посыл прозы Эрнеста Хемингуэя об алкоголе заключается в его метаморфическом принципе. В этом множестве пространств, чувств и значений давайте сохраним соблазнительную идею вин с бургундских склонов в качестве стимуляторов любовного импульса, образ напитка Вакха как ключевого героя художественной стимуляции, большое разнообразие ситуаций, в которых вино способствует прежде всего коллективной радости жизни. Таким образом, алкоголь обладает тысячей значений в творческой терминологии Эрнеста Хемингуэя, которого я предлагаю почитать в положительном свете дружелюбной общительности и творчества.

International Organisation of Vine and Wine
Intergovernmental Organisation
Created on 29 November 1924 • Refounded on 3 April 2001

35 rue de Monceau • 75008 Paris
+33 1 44 94 80 80
contact@oiv.int
www.oiv.in